ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ И ДОГОВОРАХ

Акифьева Анна Андреевна

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО ПРИЛОЖЕНИЮ УСИЛИЙ И ПО ДОСТИЖЕНИЮ РЕЗУЛЬТАТА

1. Обязательства по приложению усилий и по достижению результата во Франции

1.1. Теоретические аспекты зарождения и развития теории обязательств по приложению усилий и по достижению результата во французском гражданском праве

1.1.1. Введение

В современном французском гражданском праве деление обязательств на «обязательства по приложению усилий» («obligation de moyens») и на «обязательства по достижению результата» («obligation de résultat») является общепринятым в судебной практике, однако достаточно активно, и даже более того – с критической точки зрения обсуждается юридическим сообществом[1].

В соответствии с учебной литературой[2], *обязательство по приложению усилий* характеризуется обязанностью должника приложить максимальное усердие (а также все свои знания, навыки и умения) для исполнения обязательства. Однако непременно достичь положительного результата должник не обещает и успех не гарантирует. Иными словами, он использует все возможные в конкретной ситуации способы для удовлетворения требования кредитора при отсутствии гарантии результата. Таким образом, недостижение результата не повлечет никаких отрицательных последствий для должника при условии,

---

[1] См., например: *Pache St.* La distinction des obligations de moyens et de résultat: Quelles différences en droit français et allemand? Edition Universitaires Européennes, 2011; *Viney G., Jourdain P.* Les conditions de la responsabilité. 4e éd. LGDJ, 2013; *Viney G.* Introduction à la responsabilité. 3e éd. LGDJ, 2008; *Tourneau Ph. le.* La responsabilité civile. Presses Universitaires de France, 2003; Dalloz action: Droit de la responsabilité et des contrats 2010/2011. 8e éd. / Œuvre collective sous la dir. de Ph. le Tourneau. Dalloz, 2010.

[2] См., например: *Морандьер Л.Ж. де ла*. Гражданское право Франции: В 3 т. / Пер. с франц. Е.А. Флейшиц. Т. 2. М.: Иностр. лит., 1960; *Bénabent A.* Droit civil. Les obligations. 4e éd. Montchrestien, 1994; *Cabrillac R.* Droit des obligations. 10e éd. Dalloz, 2012; *Carbonnier J.* Droit civil. Vol. 2. Presses universitaires de France, 2004; *Aynès L., Malaurie Ph., Stoffel-Munck Ph.* Les obligations. 6e éd. LGDJ, 2013.

разумеется, что он использовал все доступные и находящиеся в его распоряжении способы для осуществления цели[1].

Обязательство по достижению результата предполагает, что должник обязан достичь определенной цели. Исполнение будет считаться надлежащим только при предоставлении кредитору оговоренного в договоре конкретного результата, независимо от приложенных должником навыков и умений[2].

Практическая ценность деления обязательств на *obligation de résultat* и *obligation de moyens* проявляется в институте договорной ответственности (responsabilité contractuelle): отнесение обязательств к тому или иному виду существенным образом влияет на распределение бремени доказывания виновного нарушения договорной обязанности (faute contractuelle)[3].

Обязательство по приложению усилий предполагает, что кредитор доказывает отсутствие должного прилежания на стороне должника (так как предполагается, что должник действовал безупречно)[4]. И наоборот, в обязательстве по достижению результата неполучение кредитором исполнения (результата) автоматически означает привлечение должника к ответственности, если только он сам не докажет действие некоей внешней силы (форс-мажора или случая)[5].

Данная формула именно таким образом изложена в большинстве вышеуказанных учебных изданий и представляется достаточно простой в своей логичности и лаконичности. Однако более глубокое изучение вопроса рождает большое количество вопросов и сомнений – вплоть до неуверенности в необходимости сохранения во французском праве данной концепции[6].

1.1.2. Противоречие между ст. 1137 и 1147 ФГК и поиск путей его преодоления как основная предпосылка дискуссии

Обратимся к истокам возникновения рассматриваемой классификации. В литературе однозначно утверждается, что единственной предпосылкой для развития в доктрине учения об обязательствах

---

[1] *Aynès L., Malaurie Ph., Stoffel-Munck Ph.* Op. cit. P. 504.

[2] Ibid. Op. cit. P. 505.

[3] *Pache St.* Op. cit. P. 21–22.

[4] Ibid. P. 22.

[5] Ibid. P. 23.

[6] См., например: Dalloz action: Droit de la responsabilité et des contrats 2010/2011. 8e éd. / Œuvre collective sous la dir. de Ph. le Tourneau. N° 3211; *Tourneau Ph. le.* Op. cit. P. 71 et s.; *Viney G., Jourdain P.* Op. cit. P. 521 et s.

по достижению результата и приложению усилий послужило наличие противоречия в тексте ФГК, выявленного юристами еще в XIX в.[1] Речь идет о соотношении ст. 1137 (отдел 2 гл. III) и ст. 1147 (отдел 4 гл. III).

Статья 1147 гласит, что «[д]олжник при наличии к тому оснований присуждается к возмещению убытков, возникших как вследствие неисполнения обязательства, так и вследствие просрочки в его исполнении, во всех случаях, когда он не докажет, что неисполнение явилось следствием внешней причины, за которую он не отвечает, и в его поведении отсутствует недобросовестность»[2]. Формулировка статьи позволяет прийти к выводу, что должник связан весьма «строгим» обязательством и единственно факт неисполнения или ненадлежащего исполнения им (в том числе просрочка) будет надлежащим основанием для привлечения его к ответственности в виде возмещения убытков (dommage-intérêt).

Статья 1137 предполагает, что «[о]бязанность заботиться о сохранности вещи как в тех случаях, когда соглашение имеет своим предметом лишь пользу одной из сторон, так и тогда, когда оно имеет своим предметом общую пользу, обязывает того, на кого возложена такая обязанность, совершать все действия в отношении сохранности вещи, свойственные рачительному и заботливому главе семейства»[3]. То есть, исходя из данной нормы закона, должник связан обязательством меньшей «строгости», так как несет ответственность вследствие неисполнения не во всех случаях (не автоматически вследствие неисполнения), а только если приложит меньше прилежания, чем добропорядочный отец семейства. Поведение должника при этом должно оцениваться *in abstracto*[4].

---

[1] См.: *Viney G., Jourdain P.* Op. cit. P. 588–589; *Bénabent A.* Op. cit. P. 120; *Pache St.* Op. cit. P. 8–10; Dalloz action: Droit de la responsabilité et des contrats 2010/2011. 8e éd. / Œuvre collective sous la dir. de Ph. le Tourneau. N° 3209 et s.; *Cabrillac R.* Op. cit. P. 136; *Carbonnier J.* Op. cit. P. 2195; *Aynès L., Malaurie Ph., Stoffel-Munck Ph.* Op. cit. P. 503–504.

[2] Французский гражданский кодекс: Учебно-практический комментарий / Авт. и пер. Ю. Гонгало, А. Грядов, К. Крието-Семитко и др. М.: Проспект, 2008. С. 205.

[3] Там же. С. 199.

[4] Обратим внимание, что в 2016 г. (Ordonnance n° 2016-131 du 10 février 2016) в ходе реформы ФГК анализируемые в настоящей работе ст. 1137 и 1147 подверглись редакционным правкам и изменили свое местоположение в системе Кодекса связи с перегруппировкой глав и разделов, в состав которых они ранее входили. При этом содержание их положений не изменилось. Так, ст. 1147 теперь соответствует *ст. 1231-1*, также определяющая основания ответственности неисправного должника и также содержащаяся в главе, посвященной возмещению убытков вследствие неисполнения договора («Le débiteur est condamné, s'il y a lieu, au paiement de dommages et intérêts soit à raison

Таким образом, с современной точки зрения создается впечатление, что ст. 1147 исходит из концепции безвиновной (объективной) ответственности, тогда как ст. 1137 предполагает учет вины неисправного должника[1], оценку его поведения по сравнению со средним разумным участником гражданского оборота.

Пути преодоления указанного противоречия стали предметом оживленной дискуссии юридического сообщества во Франции в XIX – начале XX в. Можно утверждать, что французская доктрина гражданского права прошла длинный и непростой путь в попытке примирить указанные нормы закона. По данному вопросу высказывались самые авторитетные юристы своего времени.

А. Колен и А.Л. Капитан объясняли, что ст. 1137 ФГК, как посвященная обязанности заботиться о сохранности вещи, является исключением по отношению к общему правилу, установленному ст. 1147[2]. Л. Жоссеран полагал, что ст. 1137 ФГК касается только обязательств «сделать» или «не делать что-либо», тогда как ст. 1147 – обязательств «дать что-либо»[3]. М. Планиоль склонялся к тому, что ст. 1147 ФГК касается не объекта обязательства, а только его существования; в отличие от нее, ст. 1137 – единственная статья в Кодексе,

---

de l'inexécution de l'obligation, soit à raison du retard dans l'exécution, s'il ne justifie pas que l'exécution a été empêchée par la force majeure»).

Относительно ст. 1137 отметим, что ранее она располагалась в главе, посвященной обязательствам «дать что-либо» («de donner»). В ходе реформы ФГК от идеи классификации обязательств на «дать что-либо», «сделать что-либо» или «не делать что-либо» было решено отказаться. В результате ст. 1137 теперь соответствует *ст. 1197*, находящаяся в главе, поименованной как «Effet translatif [du contrat]» («L'obligation de délivrer la chose emporte obligation de la conserver jusqu'à la délivrance, en y apportant tous les soins d'une personne raisonnable»). Основная идея разработчиков реформы в том, что переход права собственности более не рассматривается как результат исполнения обязательства «дать что-либо» – это эффект, признаваемый за договором законом. Содержательный смысл статьи при этом не изменился. См. подробнее: *François C.* Présentation des articles 1196 à 1198 de la nouvelle sous-section 2 «Effet translatif» (https://iej.univ-paris1.fr/openaccess/reforme-contrats/titre3/stitre1/chap4/sect1/ssect2-effet-translatif/).

В настоящей работе содержание ст. 1137 и 1147 ФГК приводится в редакции по состоянию на май 2014 г.

[1] *Богданов Д.Е.* Справедливость как основное начало виновной и безвиновной договорной ответственности в российском и зарубежном праве // Адвокат. 2014. № 1 (СПС «КонсультантПлюс»).

[2] *Colin A., Capitant H.L.* Cours élémentaire de droit français. T. II. 8e éd. Dalloz, 1935. N° 77 et s. (приводится по: *Pache St.* Op. cit. P. 10).

[3] *Josserand L.* Cours de droit civil positif français. T. II. 3e éd. Librairie du Recueil Sirey, 1939. N° 613 (приводится по: *Pache St.* Op. cit. P. 10).

которая имеет отношение к определению содержания обязательства[1]. П. Эсмейн и А. Тунк полагали, что между рассматриваемыми положениями закона нет существенного противоречия: ст. 1147 ФГК, как и ст. 1137, позволяет должнику освободиться от ответственности, доказав отсутствие вины[2].

1.1.3. Теория Рене Демога и ее истоки

В 1928 г. в свет вышла работа Рене Демога, посвященная общим вопросам обязательственного права. Именно в этой монографии впервые было сформулировано деление обязательств на *obligation de moyens* и *obligation de résultat*[3]. Автор утверждал, что ст. 1137 ФГК распространяется исключительно на обязательства по приложению усилий, а ст. 1147 ФГК касается обязательств по достижению результата. От принадлежности конкретного обязательства к тому или иному типу будет зависеть распределение бремени доказывания виновного нарушения договорной обязанности[4].

В литературе отмечается, что, формулируя указанную концепцию, Р. Демог не имел намерения строить фундаментальные для теории обязательственного права выводы и не предполагал подобного распространения своих взглядов[5]. Автор искал аргументы для обоснования единства природы договорной и деликтной ответственности, так как большинство его современников выступали против такого тезиса.

Известно, что существенное влияние на содержание ФГК оказало в том числе учение юристов Дома и Потье, которые полагали, что возмещение убытков в случае нарушения договора является одним из возможных последствий развития возникшего из договора правоотношения, а не ответственностью[6].

---

[1] *Planiol M.* Traité élémentaire de droit civil. T. II. Librairie Cotillon, 1900. N° 885 (приводится по: *Pache St.* Op. cit. P. 11).

[2] *Tunc A.* La distinction des obligations de résultat et des obligations de diligence // Juris-Classeur Périodique (JCP). 1945. Vol. I. P. 449; *Esmein P.* L'obligation et la responsabilité contractuelle // Le droit privé français au milieu du XX siècle: Études offertes à George Ripert. T. II: La propriété, contrats et obligations, la vie économique. LGDJ, 1950; *Idem.* Remarques sur de nouvelles classifications des obligations // Études de droit civil à la mémoire de Henri Capitant. Dalloz, 1939 (приводится по: *Viney G., Jourdain P.* Op. cit. P. 590).

[3] *Demogue R.* Traité des obligations en général. Sources des obligations. T. V. Librairie Arthur Rousseau, 1925. N° 1237 (приводится по: *Viney G., Jourdain P.* Op. cit. P. 524).

[4] См., например: *Carbonnier J.* Op. cit. P. 2190.

[5] *Viney G., Jourdain P.* Op. cit. P. 592.

[6] См.: *Синявская М.С.* Вопросы нарушения договора и его последствий в современном французском праве: настоящее положение дел, критика, проект реформы // Вестник гражданского права. 2008. Т. 8. № 3 (СПС «КонсультантПлюс»).

Таким образом, изначально логика и структура ФГК исходили именно из этой посылки[1], а понятия «договорная ответственность» в доктрине не существовало. Термин «ответственность» применялся исключительно в сфере деликтного права. То есть существовали две автономные сферы правового регулирования: возмещение убытков в случае нарушения договора на основании ст. 1146 и сл. и возмещение ущерба, причиненного в результате совершения деликта, на основании ст. 1382 и сл.[2]

В 1892 г. с критикой указанного дуалистического подхода выступил Грандмулен (Grandmoulin). Он видел сходство в отношениях по возмещению убытков в договорных отношениях и ущерба в деликтных и полагал, что возмещение происходит каждый раз в рамках нового правоотношения, возникающего из факта правонарушения[3]. Данный подход, начавший формироваться на рубеже XIX–XX вв., постепенно стал господствующим в доктрине и судебной практике вопреки противоположной, казалось бы, логике Кодекса. В итоге была создана конструкция единой гражданско-правовой ответственности и признано, что ее природа одинакова как в случае нарушения договора, так и в случае совершения деликта. Само понятие «договорная ответственность» вошло в привычный оборот[4]. К числу сторонников такой точки зрения помимо братьев Мазо и Франсуа Шаба принадлежат и представители более молодого поколения – Женевьева Виней, Патрис Журдэн[5], Кристиан Ларрумэ[6].

Итак, в 1928 г. Р. Демог следующим образом разъяснял отсутствие сущностной разницы между двумя видами гражданско-правовой ответственности: в обоих случаях требуется установление одинакового состава правонарушения, т.е. вины (faute), ущерба и причинно-следственной связи между ними. Что касается обязательств, то между ст. 1137 и 1147 противоречия нет. В отношении *obligation de résultat* (ст. 1147)

---

[1] Нормы о возмещении убытков в случае нарушения договора (ст. 1146 и сл.) входят в блок договорного права и отделены от деликтов.

[2] См.: *Синявская М.С.* Указ. соч.

[3] *Rade Chr.* La responsabilité civile contractuelle: Les quasi-contracts. Presses Universitaires de Grenoble, 2001. P. 12 (приводится по: *Синявская М.С.* Указ. соч.).

[4] Отметим, что именно такой подход представлен в известном курсе лекций по гражданскому праву А. Мазо, Л. Мазо, Ф. Шаба (*Mazeaud H., Mazeaud L., Chabas F.* Leçons de droit civil. Obligations. Théorie générale. 9e éd. par F. Chabas. Montchrestien, 1998).

[5] *Viney G.* Op. cit.; *Viney G., Jourdain P.* Op. cit.

[6] *Larroumet C.* Pour la responsabilité contractuelle // Le droit privé français à la fin du XX-e siècle: Études offertes à Pierre Catala. Litec, 2001 (приводится по: *Синявская М.С.* Указ. соч.).

вина презюмируется, а в отношении *obligation de moyens* (ст. 1137) доказывается. Соответственно в первом случае бремя доказывания лежит на должнике, а во втором – на кредиторе. Понятие «faute (contractuelle)» в любом случае остается центральным[1].

Жан Карбоньер вслед за Р. Демогом прямо делит договорную вину на два вида: презюмируемую (présumée), имплицированную в сам факт неисполнения договора, и доказываемую (prouvée) (кредитор должен сравнить то, что должник предпринял для достижения результата, с тем, что он должен был предпринять)[2].

Тем не менее в литературе звучат голоса и в поддержку классического, заложенного Кодексом подхода, отрицающего саму идею договорной ответственности[3]. Так, основанием возмещения убытков является нарушение договора в соответствии со ст. 1147; от понятия «faute» в договорных отношениях необходимо отказаться, так как оценка поведения должника на возмещение не влияет (вина не учитывается). Договорные убытки, в отличие от деликтных, не должны преследовать цели восстановления положения, существовавшего до правонарушения. Целью договорных убытков является предоставление кредитору эквивалента исполнения, поскольку в ст. 1150 ФГК речь идет именно о возмещении предвидимых в момент заключения договора убытков. Соответственно, в классификации обязательств на *résultat* и *moyens* право не нуждается, так как теория Р. Демога базируется на неверной унитарной концепции гражданско-правовой ответственности, от которой следует отказаться[4].

Возвращаясь к позиции Р. Демога, обратим внимание на то, что, безусловно, слабым местом его теории является *обоснование виновной ответственности за нарушение обязательства по достижению результата*. Ряд специалистов склоняется к тому, что такая ответственность строится по объективной (безвиновной) модели, тогда как ответственность за нарушение обязательства по приложению усилий

[1] Отметим сразу, что ФГК не содержит определения понятия вины. Филипп ле Турно, например, отмечает, что вина сочетает в себе материальный элемент (поведение) и юридический элемент (незаконность) и предполагает оценку человеческого поведения (см.: *Tourneau Ph. le.* Op. cit. P. 72).

[2] *Carbonnier J.* Op. cit. P. 2190–2191.

[3] Отметим прежде всего Филиппа ле Турно (*Tourneau Ph. le.* Op. cit.), Филиппа Реми (см. ниже), Дени Таллона (*Tallon D.* Pourquoi parler de faute contractuelle? // Droit civil, procédure, linguistique juridique: Écrits en hommage à Gérard Cornu / Sous la dir. de J. Beauchard, P. Couvrat. Presses Universitaires de France, 1994).

[4] *Remy Ph.* «La responsabilité contractuelle»: histoire d`un faux concept // Revue trimestrielle de droit civil (RTD civ.). 1997. P. 323.

максимально приближена к виновной, деликтной ответственности[1]. Высказывается, однако, и противоположная позиция: вина как элемент состава сохраняет свое значение и в отношении *obligation de résultat*, поскольку основанием для освобождения от ответственности за неисполнение является доказательство действия внешней силы, т.е. внешнего обстоятельства, находящегося вне сферы контроля со стороны должника[2]. Так, Ж. Карбоньер пишет о наличии «антиномии» между форс-мажором и виной. С его точки зрения, форс-мажор исключает вину, так как «отрицательный результат может быть вменен в вину только тому, кто был во власти помешать этой силе»[3]. То есть доказательство внешней силы автоматически означает отсутствие вины.

1.1.4. Неоднозначная оценка теории Рене Демога доктриной и ее распространение в судебной практике

Теория Р. Демога получила живой отклик в доктрине. Среди ее сторонников необходимо в первую очередь отметить Анри Мазо и Леона Мазо, Жозефа Фроссара, Андрэ Тунка, Жака Беке, Клода Тома и Поля Дюрана[4].

А. Мазо подчеркивал, что данная теория отражает волю сторон, которые в реальной жизни связывают друг друга обязательствами различной степени «силы и строгости»[5]. Ж. Беке делал акцент на практической пользе предложенной классификации, которая должна позволить судам разобраться в вопросе установления вины должника в нарушении договорной обязанности[6].

---

[1] См., например: *Josserand L.* Op. cit. N° 611; *Larroumet Chr.* Droit civil. T. III: Les obligations, le contrat. 4e éd. Economica, 1998. N° 607; *Starck B., Roland H., Boyer L.* Les obligations. T. II: Le contrat. 6e éd. Litec, 1998. N° 1681 s., 1691 s. (приводится по: *Viney G., Jourdain P.* Op. cit. N° 527-2).

[2] *Becqué J.* La protection de la victime et de ses proches dans le cadre contractuel. Impr. De A. Quillet, 1943. P. 149 et s. (приводится по: *Pache St.* Op. cit. P. 12).

[3] *Carbonnier J.* Op. cit. P. 2200.

[4] *Mazeaud H.* Essai de classification des obligations: obligations contractuelles et extra-contractuelles; «obligations déterminées» et «obligation générale de prudence et diligence» // Revue trimestrielle de droit civil (RTD civ.). 1936. P. 1; *Frossard J.* La distinction des obligations de moyens et des obligations de résultat. LGDJ, 1965. N° 20 et s.; *Tunc A.* Op. cit. P. 449; *Becqué J.* Op. cit. P. 149 et s.; *Thomas C.* La distinction des obligations de moyens et des obligations de résultat // Revue critique de législation et de jurisprudence. 1937. P. 636; *Durand P.* Des conventions d`irresponsabilité. Librairie des Juris-Classeurs – Editions Godde, 1937. N° 54 et s. (приводится по: *Viney G., Jourdain P.* Op. cit. P. 593).

[5] *Mazeaud H.* Op. cit. (приводится по: *Pache St.* Op. cit. P. 12).

[6] *Becqué J.* Op. cit. (приводится по: *Pache St.* Op. cit. P. 12).

Благодаря братьям А. и Л. Мазо, предложенное Р. Демогом разделение стало популярным в доктрине. Их совместная работа «Теоретические и практические основы гражданско-правовой ответственности» надежно закрепила в науке различие между обязательствами по достижению результата и по приложению усилий, именовавшимися ими «обязательствами определенного содержания» («obligations déterminées») и «обязательствами по приложению осмотрительности и заботы» («obligations générales de prudence et de diligence»)[1] соответственно.

Безусловно, у теории Р. Демога были и противники, в частности Поль Эсмейн, Борис Старк, Анри Ролан и Лоран Буайер, Филипп Малори и Лоран Эне, Габриэль Марти и Пьер Рэйно[2]. В первую очередь отмечается, что рассматриваемая классификация проста и логична лишь на первый взгляд, но на практике не вносит ясности в вопросы распределения бремени доказывания[3]. Между обязательствами по приложению усилий и по достижению результата невозможно провести четкую границу и нельзя говорить об однозначном их разграничении: уже из абзаца второго ст. 1137 ФГК следует, что обязательства по приложению усилий могут быть самого разного объема и «интенсивности»[4]. Так, П. Эсмейн писал, что отнесение того или иного обязательства к категории «moyens» или «résultat» является во многом произвольным, потому как на практике существуют обязательства бесконечно разнообразного содержания, что является логичным

[1] См: *Mazeaud H., Mazeaud L., Tunc A.* Traité théorique et pratique de la responsabilité civile délictuelle et contractuelle. T. 1. 6e éd. Monchrestien, 1965. N° 103–110 (приводится по: *Viney G., Jourdain P.* Op. cit. P. 593). Можно сказать, что А. Мазо в развитии рассматриваемой классификации пошел дальше самого Р. Демога, охарактеризовав ее не просто как фундаментальную, а как *summa divisio* договорных и внедоговорных обязательств. Сразу отметим, что в корне не согласен с ним Ф. ле Турно. Автор отмечает, что, с его точки зрения, рассматриваемое деление обязательств на *moyens* и *résultat* присуще только договорной сфере и ею должно быть ограничено (см.: Dalloz action: Droit de la responsabilité et des contrats 2010/2011. 8e éd. / Œuvre collective sous la dir. de Ph. le Tourneau. N° 3210).

[2] См.: *Esmein P.* L'obligation et la responsabilité contractuelle. P. 101 et s.; *Idem.* Le fondement de la responsabilité contractuelle rapprochée de la délictuelle // Revue trimestrielle de droit civil (RTD civ.). 1933. P. 633; *Starck B., Roland H., Boyer L.* Op. cit. N° 1685, 1788; *Aynès L., Malaurie Ph., Stoffel-Munck Ph.* Op. cit.; *Marty G., Raynaud P.* Droit civil. Les obligations. T. I: Les sources. Sirey, 1956. N° 535 (приводится по: *Viney G.* Op. cit. P. 535).

[3] См.: Dalloz action: Droit de la responsabilité et des contrats 2010/2011. 8e éd. / Œuvre collective sous la dir. de Ph. le Tourneau. N° 3229-1.

[4] *Esmein P.* Le fondement de la responsabilité contractuelle rapprochée de la délictuelle; *Marton G.* Obligation de résultat et obligation de moyen // Revue trimestrielle de droit civil (RTD civ.). 1935. P. 499 (приводится по: *Viney G.* Op. cit. P. 536).